



КУЛЬТУРОЛОГИЯ CULTUROLOGY

УДК 351.85

В. Н. Волков

КОНЦЕПТ «ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ВЛАСТИ» В СОВРЕМЕННОМ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются проблемы изменения дискурсивных практик в отношении человека, власти, разумности, нормы, болезни, воспитания, права и пр. Обосновывается идея, согласно которой рациональность и законность историчны, относительны, релятивны; то, что в одну историческую эпоху считается вполне разумным, обоснованным, нормальным, законным и моральным, в другую нередко выступает как нерациональное, незаконное, ненормальное, абсурдное и безнравственное.

Ключевые слова: человек, власть, дискурс, концепт, норма.

V. N. Volkov

CONCEPT “DISCIPLINARY POWER” IN MODERN CULTUROLOGICAL DISCOURSE

This paper considers the problem of changes in the discursive practices of a man of power, wisdom, norms, disease, education, law, surveillance, exposure, formation, punishment, correction, and so substantiates the idea that rationality and legitimacy of the historical, relative, relative: that in one historical period is reasonable, reasonable, normal, legal and moral, the other often appears as irrational, illegal, abnormal, absurd and immoral.

Keywords: people, power, discourse, the concept of the norm.

Социальная реальность, в которой мы живем, вовсе не является само собой разумеющейся, существующей естественным образом, независимо от человека. Привычные для нас учреждения и нормы, кажущиеся вечными, естественно данными, на самом деле формировались и развивались в определенных социальных отношениях, конституировались в конкретных исторических структурах распределения власти.

У Фуко, который подробно исследовал эту проблему, одним из основных понятий выступает понятие дискурса – текста или серии текстов, функционирующих в опре-

деленной системе отношений. Дискурс – это текст вместе с той социальной практикой, к которой он принадлежит, скрытно, неявно, имплицитно определяющей способ обсуждения темы, образцы постановки проблем, подхода к ним, их решения. Иначе говоря, это нормативная практика, содержащая в себе систему правил построения, понимания, использования текста.

Любой концепт есть порождение конкретной культуры, конкретного общества и существует исключительно в силу того, что люди согласны действовать так, будто оно существует, или согласны следовать опреде-

ленным условным правилам. В связи с этим и концепт власти всегда представляет некоторую трудность для анализа. Есть привычное русло, в которое наше размышление о власти обычно укладывается. Это так называемое «юридическое» русло рассматривает власть с позиций закона, формируя правовую модель. При таком понимании власть оказывается простым ограничителем свободы, границей ее осуществления, а отношения власти сводятся к государству и его функционированию. Иначе говоря, при слове «власть» в голову людям сразу же приходят армия, полиция, правосудие. Когда в нас заложено такое понимание власти, мы локализуем ее лишь в государственных органах, тогда как отношения власти существуют и проходят через множество других вещей. Ведь отношения власти существуют между мужчиной и женщиной, между тем, кто знает, и тем, кто не знает, между родителями и детьми, внутри семьи. В обществе имеется множество мелких противостояний, противоречий, сражений, малых отношений власти, которыми государство руководит, которые оно порождает, индуцирует; но, с другой стороны, любая государственная структура может функционировать должным образом, только если в ее основе существуют эти малые отношения власти.

Человека опутывает целая сеть неявных, неосознаваемых властных отношений, которые выстраиваются с родителями, взрослыми, учителями, преподавателями, старшими по должности, по званию, компетентными специалистами, работодателем, хозяином – с теми, кто «обладает знанием», кто формирует те или иные представления о мире. Если, например, государство навязывает молодому человеку воинскую повинность, заставляя его служить, отдавать/выполнять «священный» или «интернациональный долг», то подразумевается, что «защита Родины – священный долг каждого гражданина», «служба в армии – почетная обязан-

ность», «армия позволяет реализовать право каждого гражданина на выполнение долга и священной обязанности по защите Отечества», «Родина посылает своих сыновей на боевой/ратный подвиг – Родина-мать зовет», «по зову Родины, по зову сердца защитник Родины готов на подвиг, на выполнение сыновнего долга/обязанности перед Родиной», «он обещает приложить все усилия, чтобы приносить Родине только пользу, ведь быть гражданином своей страны – священный долг каждого». Подразумевается, что Родина (то есть конкретный чиновник) знает, зачем и во имя чего нужно воевать, даже если это – война в Венгрии, Чехословакии, Афганистане, Чечне или Грузии. В соответствии с заранее данной этической оценкой выстраивается нормативный дискурс: боевик/партизан, боестолкновение, бандформирование, ограниченный контингент, операция, зачистка, патриот, герой, лазутчик, изменник, разведчик / шпион и пр.

Мишель Фуко исследует «микрофизику власти» в следах и эффектах «дисциплинарных пространств» – в тюрьмах, больницах, школах, казармах, монастырях, университетах. Задача этих дисциплинарных пространств в том, чтобы путем точечных воздействий на тело добиться подчинения индивидуального тела коллективному, сделать душу индивида подобием общественной машины. Порядок сам формирует своих субъектов. О человеке говорят как субъекте власти, а на самом деле он – марионетка власти и с самого начала выступает результатом и продуктом «дисциплинарных практик». Его сознание – инструмент политической манипуляции – задает существование, в котором господствует власть над телом.

Образ власти только как запрещающей, мешающей и ограничивающей слишком прямолинеен и упрощен. Государству не удалось бы удерживать индивидов в повиновении, если бы у него не было корней, если бы оно не использовало глобальную стратегию

и возможные локальные и индивидуальные тактики, охватывающие каждого из нас. Существует свои процедуры и методы осуществления власти у полиции, власти родителей над детьми, детей над родителями, мужчины над женщиной, женщины над мужчиной и над детьми. Нельзя понимать эти отношения власти как жесткое господство, торжествующее целиком и полностью, это, скорее, отношения силы, противостояния.

С начала XVIII века в Европе складывается система власти, которая выражает себя через определенную технику, практику власти, с помощью не закона, а нормы, посредством не наказания, а контроля, и осуществляет себя на таких уровнях и в таких формах, которые выходят за пределы государства. Власть пронизывает экономические, познавательные, сексуальные и другие типы отношений, играя продуктивную роль. Она осуществляет себя не столько в стратегиях последовательного достижения заранее предусмотренных целей, сколько в принятии отдельных частичных решений. Но они, следуя друг за другом, опираясь одни на другие и распространяясь, образуют некое целое, в котором различимы определенные цели, хотя нельзя найти конкретных лиц, которые бы к ним стремились. Масштабные стратегии оказываются анонимными. Власть существует в неразрывной связи с бесчисленными точками сопротивления ей и опираясь на них. Механизмы власти можно и нужно анализировать только в подобных сложных силовых полях – заявляет Фуко.

В конце XVII века власть от ярких символических проявлений и подтверждений своего могущества переходит к постепенной, систематичной, кропотливой работе над телами своих подчиненных, которые требуется превратить в «послушные тела». Имеется в виду не просто послушание, но превращение подчиненных тел в своего рода инструментальные комплексы, функционирующие максимально эффективно и целесообразно

но. Возникают особые техники и методики, прообразом которых были разработанные в монастырях техники самосовершенствования. Процесс этот происходил постепенно, стихийно и сразу в самых разнообразных областях человеческой деятельности – армии, школе, больнице, мануфактуре, системах профессионального обучения. В результате в обществе складывается особый тип власти, который Фуко и обозначает как дисциплинарную власть.

Применение техник дисциплинарной власти обычно начинается с перемещения индивидов в пространстве. Такая власть требует замкнутых пространств, в которых действуют свои законы и правила. Примерами могут служить работные дома, колледжи, интернаты, казармы, заводы, больницы. Каждый индивид должен быть всегда на своем месте, чтобы его можно было бы в любой момент найти, проконтролировать и более полно использовать. Все перемещения должны быть функционально оправданы. Рациональное использование неотделимо от необходимости создавать полезное пространство, осуществлять надзор, препятствовать взрывоопасным объединениям индивидов в группы.

В дисциплинарном пространстве каждому индивиду приписано определенное место. Но это не просто место, а одновременно и ранг, место в классификации. К примеру, преступников распределяют в зависимости от характера преступления, больных – от характера заболевания, учеников в классе – в зависимости от поведения и успеваемости. Дисциплина индивидуализирует тела, приписывая им определенные места, посредством которых они распределяются и включаются в системы отношений. Так, главной формой организации школьников становится «выстраивание в ряд»: в классе, в коридоре, во дворе. При этом каждый ученик получает определенное место в зависимости от выполнения им любого задания. Место, занимае-

мое им в пространстве класса, соответствует его месту в иерархии знаний и способностей. Приписывая каждому определенное место, новая школьная дисциплина делает возможным непрерывный контроль над всеми и каждым. Школьное пространство начинает функционировать как механизм обучения и одновременно – надзора, наказания или поощрения. Идеалом выступает классное пространство, играющее роль одной большой таблицы, находящейся под неусыпным оком учителя, такое пространственное размещение учеников в классе, которое позволяло бы сразу видеть уровень каждого из них.

Дисциплинарная власть контролирует не только пространственное размещение, но и время индивидов. И здесь моделью служили средневековые монастыри. В школьном расписании, относящемся к началу XIX века, по минутам расписаны: вхождение учителя в класс, звонок, вхождение детей, молитва, усаживание за парты и т. д. Такая власть не только регулирует время, распределяя его на интервалы, но стремится непрерывно контролировать качество его использования, устраняя все, что только может отвлечь и внести беспорядок. Все большей детализации дисциплинарного времени соответствует все большая детализация жестов и действий, которые должен совершать помещенный в это время и пространство индивид. Солдаты должны быть обучены ходить строем и выдерживать шаг в соответствии с барабанным боем. Учителю вменяется в обязанность неустанно корректировать учеников, если они нарушат предписанную рекомендациями позу. Средством управления индивидом и процессом является «упражнение», которое позволяет непрерывно оценивать индивида по отношению к желаемому результату или к другим индивидам.

Одним из важнейших инструментов дрессировки тел является иерархический надзор, идея которого заключается в том, чтобы наблюдать за контролируемым телом,

не будучи замеченным. Само здание дисциплинарного института – школа, тюрьма, завод – становится инструментом надзора за поведением.

Помимо надзора, выделяется и такое средство «муштры», как нормализующая санкция. Суть ее в том, что караются не только нарушения законов, но и отклонения от нормы. Так, солдат допускает провинность, когда он не достигает предписанного уровня, скажем, определенного ритма и четкости в исполнении артикулов с ружьем; ученик совершает провинность, когда не способен выполнить задание учителя. За это он получает соответствующее наказание. Роль наказания состоит в устранении отклонения от предписанной нормы, оно имеет целью приблизить к норме как стандарту. Система контроля включает не только наказание, но и поощрение. Например, в школе появляется сложная система исчисления «баллов», подведения баланса между дурным и похвальным в поведении ученика. Карательные мероприятия в армии или учебных заведениях часто обставлялись как своего рода «суды» и «трибуналы». За этими действиями стоит оценивание, но уже не действий, а самих индивидов. Дисциплинарная система непрерывно ранжирует их, присвоенный ранг сам по себе является наказанием или поощрением.

Возникают процедуры, сочетающие технику надзора и нормализующей санкции: военный смотр, медицинский осмотр, экзамен в учебном заведении. В смотре, осмотре, экзамене сочетаются отношения власти и отношения знания. На эволюцию медицинского знания оказала решающее влияние организация госпиталя или клиники как дисциплинарного пространства, в котором пребывает больной. Школа становится машиной для непрерывной сдачи экзаменов. Общество входит в эпоху бесконечных экзаменов и принудительной объективации. Смотр-экзамен вводит индивида в поле документирования.

Результаты смотров, осмотров и экзаменов записываются, сохраняются, собираются в досье и архивы. Право документировать выступает как часть дисциплинарной власти. Всевозможные списки и досье выступают для такой системы власти как способы кодирования индивидов. Смотри и запись конституируют индивида как «описываемый объект».

В течение долгих веков отличительной чертой суверена было обладание правом на жизнь и смерть его подданных. Но в эпоху модерна право отобрать у подданного жизнь сменилось разнообразными техниками управления его жизнью. Право на смерть выступает теперь как дополнение власти, осуществляющей положительное управление жизнью, власти, которая распоряжается жизнью, усиливает ее, контролируя и регулируя. В качестве примера Фуко ссылается на отношение к смертной казни. В течение долгого времени она была, наряду с войной, одной из основных форм реализации права суверена. Постепенно, по мере того, как войны становились все более массовыми и кровавыми, на эшафотах лишалось жизни все меньше людей. Одновременно отмирают ритуалы и церемонии, которыми обставлялась некогда смертная казнь, и вообще казни перестают быть публичными.

С конца XVII века власть над жизнью начинает развиваться в двух основных формах, образующих как бы два полюса, между которыми располагается целая сеть промежуточных форм. Первый полюс – это власть над телом как машиной: его дрессировка, использование его сил, способностей, увеличение его полезности, управляемости, включение в системы контроля. Для этого развивается совокупность различных дисциплинарных институтов – школы, колледжи, казармы, мастерские. Второй полюс образуют формы власти над телом как экземпляром биологического вида и связанными с ним биологическими процессами: рождением и смертью, показателями здоровья, продолжительности

жизни и пр. В этой сфере власть осуществляется в виде регулирующего контроля, биополитики популяции.

Власть над живым требует укрепления тел и увеличения популяции одновременно с увеличением их полезности и управляемости. Для этого необходима выработка новых методов и приемов, пригодных для управления силами, способностями, склонностями. Роль новых механизмов и форм играли такие общественные институты, как семья, армия, школа, полиция, клиника. Изменение характера власти проявлялось также и в увеличении значения норм за счет законов. Власть, взявшая под свой контроль процессы жизни, нуждается в механизмах непрерывного воздействия, чтобы регулировать и корректировать данные процессы. Для нее важно не столько отделить законопослушных подданных от враждебных суверену, сколько распределить их относительно нормы. Фуко называет формирующийся тип власти «властью-знанием»: она неразрывно связана со знанием, утверждает общеобязательность нормы, которая ориентируется на извлечение максимальной пользы.

В «Истории сексуальности» Фуко проводит исследование роли признания на Западе. На христианском Западе предполагалось, что всему миру следует признаваться в своих грехах, люди принуждались признавать свои грехи. Признание всегда принимает форму повествования об истине преступления или греха. Начиная с Реформации дискурс признания выходит наружу и ставит уже задачи психологические: лучшего познания самого себя, лучшего самообладания, проявления чьих-либо склонностей, возможности распоряжаться собственной жизнью, упражнения по испытанию совести. В ту же эпоху развивается литература от первого лица, люди начинают вести дневник, затем наступает время литературы, в которой авторы стали рассказывать о своих похождениях. Механизм признания распространяется повсюду.

В европейской культуре вина – важное переживание, в котором задействована скорее речь, чем деяние. Так, существовала традиция, согласно которой преступника нужно было заставить признаться. Даже когда против него имелись доказательства, общество жаждало изобличения преступления самим преступником. Наказание преступления понимается как смирение преступника без его исправления, тогда как преобразование его души подразумевает, что этот человек должен быть познан, явить себя. С тех пор как наказание перестало быть ответом на преступление, а превратилось в операцию, преобразующую преступника, дискурс, признание преступника становится механизмом взывания к нему. На основании вины запускается механизм апелляции к дискурсу.

Власть вплотную подступает к каждому отдельному индивиду, окружив его густой сетью исправительно-карательных механизмов. Главная особенность отклоняющегося от нормы, ненормального в том, что, являясь «преступником», он подлежит осуждению не столько в рамках закона, сколько многочисленными промежуточными инстанциями. Складывается властная система, где всякий социально-воспитательный институт, будь то армия, школа, семья или психиатрическая лечебница, присваивает себе часть судебных функций. Все они – «судьи», ибо оценивают поведение индивида и стремятся привести его поведение в соответствие с «нормой».

Само правосудие, вынося приговор, нуждается в опоре на эти институты: его вердикт основан теперь не только на установленном факте нарушения закона, но и на характеристиках личности подсудимого. В этой связи особое значение приобретает судебно-медицинская экспертиза. Парадокс в том, что экспертизы удивительным образом противоречат не только нормам права, но и всем законам научного дискурса. По закону, судмедэкспертиза обязана установить степень вменяемости субъекта: отсутствие

вменяемости, временное или постоянное помешательство «отменяет» факт преступления, переводя человека в категорию больных. Но на деле эксперт устанавливает совсем другое: степень опасности, которую данный субъект представляет для общества, – иными словами, описывает личность подсудимого. Научно-правовая задача подменяется бюрократической, властной функцией, а потому тексты экспертиз несут на себе отчетливую печать «воспитательного», «родительского» дискурса, обращенного к неразумному дитяти.

В сущности, Фуко демонстрирует не слишком привлекательную изнанку того «гуманизма», которым проникнуты все социальные институты XX века. Он не обличает власть и не раз подчеркивает, что она «позитивна и продуктивна», но осуществляемый им анализ позволяет проводить аналогии со структурами фашистского или большевистского государства, рассуждать о гротеске как сущности тоталитарной власти. У Фуко нет отсылок к советским или российским реалиям, но сравнения напрашиваются сами собой. Преследование «инакомыслящих» с применением всего арсенала психиатрии; «товарищеские суды», комсомольские и партийные собрания, на которых осуждалось отклонение от «нормы»; «характеристики», сопровождающие человека от рождения до смерти; суд, рассматривающий не действия, а личность «преступника»; попытки контролировать все и вся с помощью «вертикали власти»; система прописки, постоянной и временной регистрации с целью всех поставить на учет и под контроль; активные попытки внедрить православие взамен коммунистической морали в «учебно-воспитательный процесс»; грозные указания президента по поводу того, как нужно писать учебники истории; господство отчетности, тестов, баллов в образовательной системе, уверенность в возможности увеличить численность населения страны адми-

нистративными мерами – это как раз и есть проявления «власти нормализации», «дисциплинарных практик» в культурных и социальных реалиях России.

Ярким примером устаревших «дисциплинарных практик» являются действия политической власти современной России. Эта власть рассматривает проявление инакомыслия как «ненормальность». Во время акций, направленных против нее, она советует населению воздержаться от появления в местах скопления людей, поскольку в таких местах существует якобы опасность для их здоровья и безопасности. Если же люди там все же появляются, то у агентов власти это вызывает раздражение и неприязнь. Существует множество свидетельств агрессивного, ничем не спровоцированного поведения «сил правопорядка», несоразмерного, избыточного и применяемого без достаточного повода насилия в отношении таких людей.

В России на протяжении многих веков существовало государство милитаристского типа, государство, стоявшее над законом и обществом. В таком государстве не только военная, но и мирная жизнь выстраивается по военному образцу, а управление государством уподобляется управлению армией. Такая власть рассматривает проявления политического сопротивления как род политической ненормальности и выстраивает систему противодействия. Непосредственно на митингах, маршах и т. п. агентами власти ведется открытая фиксация лиц демонстрантов и митингующих на видеокамеры, ибо человек, попавший в кадр, «потенциально болен, зафиксирован, учтен как ненормальный». Что касается протоколирования своих действий, то фиксировать эти действия власть не позволяет, противится такой фиксации. Поэтому нормой становится агрессивность в отношении журналистов, которые оказываются жертвами физического насилия со стороны «сотрудников сил правопорядка». Сегментирование физического пространства,

пространства-территории – одно из наиболее очевидных дисциплинарных проявлений власти. Но власть озабочена также сегментацией информационного пространства. Осуществляется фильтрация, запрещение, искажение информации. И здесь власть ограничивает появление на телеэкранах нежелательных, «ненормальных» персонажей.

Нынешняя власть все еще пытается опереться на инерцию прежнего типа сознания. Отсюда имитационная «милитаристская» риторика вроде «Россия, вперед!», и политические термины вроде «Народного фронта». Отсюда поиски «пятых колонн», «антироссийских заговоров», выделение огромных средств на «оборону» и пр. Но никаких модернизационных импульсов из этих имитаций извлечь уже нельзя. Старая история (история милитаристского государства) уже закончилась, искусственное продление этой истории грозит обернуться распадом страны. Мобилизация немыслима без образа злобного и коварного врага, внешнего или внутреннего. Поэтому власть использует и даже провоцирует сопротивление, которое может быть использовано для демонизации и компрометации сопротивляющихся.

На Западе дисциплина, дисциплинарные техники – это работа власти с гражданским обществом, в отношении которого используются «мягкие» дисциплинарные практики. Эти технологии трудоемки, хотя в стратегической перспективе снижают давление на власть и, следовательно, обходятся дешевле, чем более примитивные практики прямого подавления. В России власть прекрасно справляется и жесткими методами, она не признавала и не признает прав общества. Гражданское общество, которое в России находится в зачаточном состоянии, не контролирует дисциплинарные механизмы. Наиболее ярким свидетельством этого являются российские выборы. Дисциплинарные механизмы, обеспечивающие функционирование машины выборов, фальсификацию их резуль-

татов, – не что иное, как подавление воли и импульсов гражданского общества.

Нынешняя российская власть использует дисциплинарные технологии, возникшие на пороге Нового времени и адекватные периоду раннего капитализма. При этом происходит деградация дисциплинарного пространства. Все, что против власти, – политическая ненормальность, и это ментальность, с которой российская власть существует в XXI веке. Этот процесс сохранения давно отжившей дисциплины старого типа и превращения ее едва ли не в основной инструмент власти в XXI веке можно расценивать как пережиток

прошлого. Сегодня все инстанции, призванные дисциплинировать и контролировать деятельность граждан и организаций, коррумпируются и разлагаются. Дисциплинирование становится прикрытием для произвола власти и, следовательно, с точки зрения общественной, становится нелегитимным злом. Дисциплина существует уже не ради того, чтобы обеспечивать максимальную полезность, а чтобы гарантировать самосохранение власти и материальное благосостояние индивидов, в нее входящих. Нелегитимность власти порождает формы ожесточенного сопротивления.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Забыть Фуко. – СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2000.
2. Делез Ж. Фуко. – М.: Изд-во гуманит. лит-ры, 1998.
3. Дьяков А. В. Мишель Фуко и его время. – СПб.: Алетейя, 2010.
4. Михель Д. Мишель Фуко в стратегиях субъективации: от «Истории безумия» до «Заботы о себе». – Саратов, 1999.
5. Мишель Фуко и Россия: сб. статей. – СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2001.
6. Сокулер З. А. Знание и власть: наука в обществе модерна. – СПб.: РХГИ, 2001.
7. Фуко М. Археология знания. – Киев: Ника-Центр, 1996.
8. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М.: Касталь, 1996.
9. Фуко М. Надзирать и наказывать. – М.: AdMarginem, 1999.
10. Фуко М. Ненормальные: курс лекций, прочитанных в Колледже де Франс в 1974–1975 учебном году. – СПб.: Наука, 2005.
11. Фуко М. Психиатрическая власть: курс лекций, прочитанный в Колледже де Франс в 1973–1974 уч. году. – СПб.: Наука, 2007.
12. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб.: А-сacд, 1994.
13. Бодрийяр Ж. Забыть Фуко. – СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2000.
14. Делез Ж. Фуко. – М.: Изд-во гуманит. лит-ры, 1998.
15. Дьяков А. В. Мишель Фуко и его время. – СПб.: Алетейя, 2010.
16. Михель Д. Мишель Фуко в стратегиях субъективации: от «Истории безумия» до «Заботы о себе». – Саратов, 1999.
17. Мишель Фуко и Россия: сб. статей. – СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2001.
18. Сокулер З. А. Знание и власть: наука в обществе модерна. – СПб.: РХГИ, 2001.
19. Фуко М. Археология знания. – Киев: Ника-Центр, 1996.
20. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М.: Касталь, 1996.